

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТФОЛЬКЛОРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Ильина Лариса Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологических дисциплин, Оренбургская духовная семинария, Оренбург, Россия, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурного контекста деструктивных элементов постфольклора как части какосферы. Автор рассматривает постфольклор как форму народного творчества, реализуемую за пределами первоначального контекста и получающую современные интерпретации. На основе анализа научной литературы, постфольклорных текстов, собранных автором, и текстов, имеющих в свободном доступе в интернете, автор обоснованно доказывает, что деструктивными элементами постфольклора являются собственно инвективная лексика, создаваемый ею контекст, произнесение инвективной лексики, понимаемое как действие, и пассивное принятие данной лексики. Термин *инвективная лексика* автор считает наиболее общим, поскольку он сохраняет первоначальное значение (*нападки*) в смысле вербальной агрессии и передает намерение совершения действия, осуждаемого окружающими. В заключение статьи делается вывод, что деструктивные элементы постфольклора оказывают негативное воздействие на индивида и социокультурное пространство в целом, однако не всегда можно с уверенностью определить, насколько общество понимает и осознает влияние определенных элементов на свою культуру и общение, не говоря о более масштабном воздействии. Средством преодоления деструктивного влияния элементов постфольклора становится ответственность каждого человека за свои слова и действия в процессе общения.

Ключевые слова: постфольклор, какосфера, инвективная лексика, вербальная (словесная) агрессия, деструктивные элементы, лингвокультурный контекст, речевое взаимодействие.

Для цитирования: Ильина Л.Е. Деструктивные элементы постфольклора: лингвокультурный контекст // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 168–175. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-168-175>

Research Article

DESTRUCTIVE ELEMENTS OF POST-FOLKLORE: LINGUISTIC AND CULTURAL CONTEXT

Larisa E. Ilyina, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Abstract. The article is devoted to the study of the linguocultural context of the destructive elements of post-folklore as part of the cacosphere. The author considers post-folklore as a form of folkish lore, implemented outside the original context and receiving modern interpretations. Based on the analysis of scientific literature, post-folklore texts collected by the author, and texts freely available on the Internet, the author reasonably proves that the destructive elements of post-folklore include the invective vocabulary itself, the context it creates, the utterance of invective vocabulary, understood as an action, and passive acceptance this vocabulary. The author considers the term invective vocabulary to be the most general due to its retaining of the original meaning (attacks) in the sense of verbal aggression, and conveying of the intention of committing an action condemned by others. In conclusion, the article concludes that the destructive elements of post-folklore have a negative impact on the individual and the sociocultural space as a whole; however, it is not always possible to determine with certainty to what extent society understands and is aware of the influence of certain elements on its culture and communication, not to mention the broader impact. The means of overcoming the destructive influence of post-folklore elements is the responsibility of each person for its words and actions in the process of communication.

Keywords: post-folklore, cacosphere, invective vocabulary, verbal (speech) aggression, destructive elements, linguocultural context, speech interaction.

For citation: Ilyina L.E. Destructive elements of post-folklore: linguistic and cultural context. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 168–175. ISSN 1998-0817 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-168-175>

Деструктивные элементы речевого взаимодействия [Волков, Лысак] мы относим к *какосфере* (др.-греч. *какός* – дурной, плохой). В научных и философских дисциплинах термин *какосфера* имеет разные интерпретации, но чаще всего используется для обозначения пространства или сферы, где доминируют негативные, деструктивные силы или явления.

В природной среде феномен *какосферы* изучал Г.А. Заварзин, указывая, что *какосфера* существует и «в умах» – человечество, разрушив природную среду и подменив её *какосферой*, изменило и себя [Заварзин: 12–18].

Какосфера как семиотическое пространство насыщена негативными текстами и образами, создающими барьеры для эффективного обмена информацией и достижения взаимопонимания между людьми, что приводит к конфликтам и искаженному восприятию действительности.

В религиозных учениях *какосфера* – это сфера зла, хаоса, беспорядка и разрушения, она является противоположностью мира, порядка и противостояет ему. В психологии этот термин описывает внутренний мир человека, полный негативных и суицидных мыслей.

Современное общество сталкивается с проявлениями *какосферы* в виде социальных проблем, таких как коррупция, преступность, агрессия, негативное воздействие на окружающую среду. Эти явления мы рассматриваем как проявления «сферы зла» в лингвокультурном контексте.

Карл Г. Юнг использовал понятие *тени* для описания части человеческой психики, представляющей собой неосознанные, отвергнутые или подавленные аспекты личности. *Тени* Юнга можно считать аналогом *какосферы* в индивидуальной психике (см.: [Найдыш]).

Рудольф Штайнер писал о духовных (и о демонических) сущностях, влияющих на человечество [Штайнер].

Философия языка В. Гумбольдта раскрыла психолого-лингвистические аспекты исследования языка (и сознания) с онтологической, бытийной точки зрения. Выводы В. Гумбольдта впоследствии позволили М. Хайдеггеру создать свою теорию взаимосвязи бытия, языка и сознания. Взаимозависимый характер языка и сознания играет важную роль в понимании культуры и общения (см.: [Лобанова: 83–87]).

Исследования взаимосвязи языка, мышления и культуры, а также изучение различных аспектов языковой деятельности выявили влияние практик употребления языка на формирование культурных ценностей, норм и мировоззрения людей [Маслова].

В гуманитарных науках термин *какосфера* не получил широкого распространения. Исследование *какосферы* в языковой среде проводится в рамках линг-

возкологии – нового направления языкознания, предметом изучения которого является состояние языка и языковой (речевой) среды.

Одним из проявлений *сферы зла* в лингвокультурном контексте является *инвективная лексика*, названием которой является усиление враждебности, агрессивности между участниками речевого взаимодействия.

Инвективная лексика в нашем исследовании – суть слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию адресанта унижить, оскорбить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемые намерением сделать это как можно в более резкой и циничной форме.

Ю.И. Левин считает конструкции, содержащие *инвективную лексику*, близкими к речевым актам, равноценным поступкам (перформативам). Обсценный стиль является лишь поверхностным выражением более глубоких обстоятельств [Левин: 66–70].

Б.А. Успенский обращает внимание на то, что в славянском язычестве *инвективная лексика* имела отчетливо выраженную культовую функцию, носила ритуальный характер», в повседневной жизни «черная брань» запрещалась [Успенский].

В.И. Жельвис определяет *инвективную лексику* как часть общенационального языка, которая официально не разрешена к использованию в лингвокультурной ситуации, но обязательно известна всем носителям языка [Жельвис: 11].

Проблему сквернословия в современном обществе, причины и функции распространения наиболее агрессивной части сквернословия – мата – исследовал И.А. Стернин [Стернин].

Дел Хаймс разработал концепцию коммуникативной компетентности, включающей внутреннее понимание говорящим ситуационной уместности языковых единиц и различных стилей речи, в том числе жаргонов и сниженной лексики [Hymes].

В научной литературе используются термины *сниженная лексика*, *обсценная лексика*, *табуированная лексика*, *эвфемизмы*, в бытовой сфере чаще используют выражения *ругательства*, *нецензурные слова*, *брань*, *мат*, *сквернословие*. В определенном смысле эти термины можно рассматривать как синонимы, однако лингвокультурные традиции и этимология данных выражений проводят между ними пусть не всегда достаточно чёткие, но границы.

Сниженная лексика (в этимологии прослеживается влияние термина *высокий стиль*) – это особая категория языковых единиц, характеризующихся отклонением от норм литературного языка в сторону простоты, неформальности и даже грубости.

Обсценная лексика (лат. *obscenus* – распутный, безнравственный) – языковые единицы, восприни-

маемые говорящими как недопустимые и непристойные.

Мат, матерные слова, матерная брань восходят к понятию *мать*, такой бранью оскорбляются три матери: Матерь Божия, родная мать и мать сыра земля¹.

Табуированная лексика (англ. *taboo* (из полинез.) – строжайший запрет, оберегающий наиболее существенные стороны общественной деятельности и личной жизни людей) – слова и выражения (даже звуки), использование которых ограничено или запрещено ввиду социальных или религиозных традиций².

Нецензурные слова (лат. *sensura* – строгое суждение) – выражения, которые являются неприличными, оскорбительными или ненормативными в данном обществе.

Рамки статьи не позволяют продолжить анализ смысловых оттенков данных выражений. Для описания деструктивных элементов постфольклора в лингвокультурном контексте речевого взаимодействия мы будем говорить об *инвективной лексике*, считая этот термин наиболее общим, поскольку этимологически *инвективный* образуется через причастную форму *invehens* – *резко выражающийся* от *invectio* – *ввоз, привоз, въезд; нападки*, (далее от *veho* – *везу*)³. Термин *инвективная лексика* сохраняет первоначальное значение – *нападки* (в смысле вербальной агрессии), *выпад* (как прием речи) – и подчеркивает нарушение общепринятых норм и желание шокировать окружающих.

Мы сознательно приводим примеры с нейтральной литературно допустимой инвективной лексикой, другие, более яркие примеры ввиду повсеместного распространения легко восстанавливаются при чтении текста обобщающего характера.

В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» современные реалии и философские размышления переплетаются со сниженной лексикой и эвфемизмами: «...публика была самая разношерстная, но больше всего было, как это всегда случается в истории человечества, свинорылых спекулянтов и дорого одетых**»⁴.

Российский телеведущий Владимир Соловьев, известный использованием резких формулировок, обращаясь к жителям Екатеринбурга в связи с протестами, связанными с «Ельцин Центром», сказал: *Давайте, мрази, сатанисты! Люблю я вас выводить на чистую воду. ...Кто из вас, сволочей, скакал и не хотел, чтобы был храм?*⁵.

В романе Джеймса Келмана «До чего ж оно все запоздало» используется характерный стиль внутренних монологов от первого лица, с сохранением сленга рабочих кругов Глазго: *Ах, это было безнадежно. Вот что ты чувствовал. Эти ублюдки. Что ты можешь сделать? Кроме как начать сначала, и он начал сначала»*⁶.

В песне «Полчеловека» Рита Дакота говорит о том, что человек чувствует себя неполноценным или потерянным, если становится слишком зависимым от партнера.

Перевернул, пересобрал,
А я – идеал того, как терять себя.
И до утра буду стирать все номера
Но знаю, **, наизусть...⁷

Группа «Ленинград» известна своими провокационными текстами, песня «WWW» не является исключением:

Когда переехал, не помню.
Наверное, был я бухой...
Когда тормозил меня мусор,
Прописки, мол, нет никакой...⁸

Изначально фольклорные произведения описывали естественные процессы и явления. Грубые (по меркам, установленным позднее) обороты речи – неотъемлемая часть фольклора, использовались в сакральном смысле. Особо следует обратить внимание на магическую роль слов. Язык в архаических культурах делился на две части: сокровенную и общую, использование в речи сокровенных слов обрекало говорящего (а иногда и всю семью, весь род) на смерть. Чаще всего сокровенные имена получали те явления, которых люди боялись: боги, болезни, дикие животные⁹.

В процессе литературной обработки фольклора определенную лексику расценили как непристойную, в результате чего часть произведений была приведена в соответствие с нормами общественной морали того времени, когда произведение готовилось к публикации, потеряв при этом свою самобытность, а часть произведений и авторов осталась неизвестной массовому читателю.

В постфольклоре грубые обороты речи являются одной из характеристик, передающей его аутентичность и непосредственность.

В постфольклоре инвективная лексика используется для социального комментария, усиления выражаемых эмоций, создания комического эффекта, оскорбления, порицания или унижения других людей.

Использование инвективной лексики *по привычке, для связки слов*, характеризует уровень культуры говорящего, результат воспитания или принадлежности к определенной группе.

Примеры инвективной лексики в постфольклоре чаще всего обнаруживаются в дворовом, студенческом, тюремном фольклоре, блатных песнях, частушках, анекдотах, граффити, настенных рисунках и надписях. Из произведений интернетлора – в демативаторах и пирожках. В семейных преданиях и байках встречаются описания ситуаций, связанных с использованием инвективной лексики без её прямого наименования. К теме запрета / избегания/ созна-

тельного неиспользования инвективной лексики регулярно обращаются в средствах массовой информации, на образовательных площадках в интернете.

Приведём ряд примеров.

Из семейных преданий («Я уже пять таких слов знаю»): В нашей компании, в семье П., был самый младший ребенок – Витя. Во время наших застолий и шумных бесед он крутился всегда где-то рядом. И вот однажды я рассказывал что-то, сопровождая рассказ «крепким словцом», меня кто-то одернул: «Не выражайся, Витька здесь», на что Витька, вынырнув из кустов, сказал: «Не переживайте, дядя Сережа, я уже пять слов таких знаю»¹⁰.

Из переписки в чате:

- ...Можно без мата?
- Стараюсь, но не получается.

Анекдот:

– Был я, мамань, в Париже, залез на Эйфелеву башню... Видно хорошо... Посмотришь налево – твою мать... Посмотришь направо – твою мать... Обернешься – твою мать... Да что ж ты плачешь-то, маманя?

– Ой, Вань, да красиво-то как... (анекдот конца прошлого века)¹¹

Из СМИ:

Сейчас, работая в школе, я не позволяю себе использовать мат. Это непедагогично! Хотя школьники, если нет рядом педагога, нередко позволяют себе. Я стараюсь культурно делать замечания, а что делать-то? Это показывает их ограниченность, считаю. Ведь на уроке они иногда двух слов не могут связать по теме¹².

Рис. 1. Мем в сочетании с «пирожком», содержащим инвективную лексику¹⁵

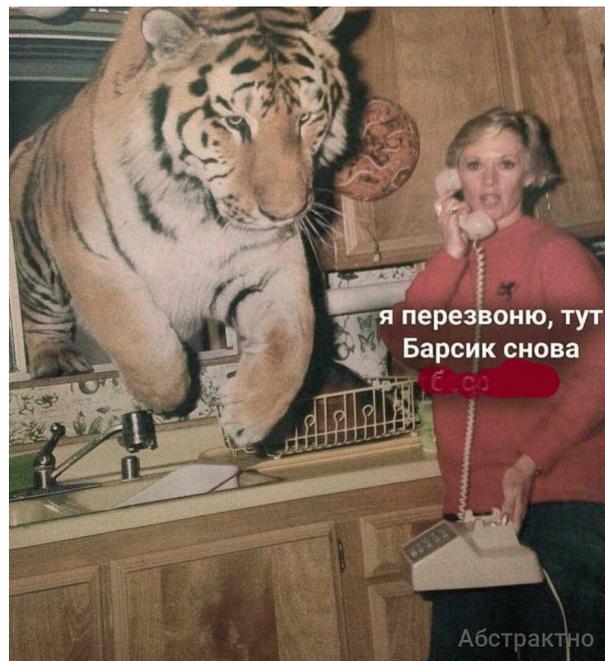

Рис. 2. Мем с подписью, содержащей инвективную лексику¹⁶

Образовательные интернет-площадки:

Ущербность всегда агрессивна, и эта агрессивность проявляется, прежде всего, на уровне языка. Мат – это «формат» неудачников, слабых, неуравновешенных людей, которые не способны найти свое место в жизни¹³.

Из массовой культуры:

- Жена машину разбила!
- Вот жаль! А ты машину ей давал ... зачем?
- А я знаю, что ли¹⁴

Мемы (см. рисунки 1 и 2).

Приведенные примеры показывают, насколько явления какосферы прочно укоренились в нашей жизни, в речи, в текстах.

В лингвокультурном контексте деструктивными элементами постфольклора являются собственно *инвективная лексика, контекст*, создаваемый инвективной лексикой, произнесение лексики как *действие, пассивное принятие данной лексики*. Рассмотрим подробнее каждый из предложенных деструктивных элементов постфольклора.

Собственно инвективная лексика – список единиц инвективной лексики – будет уникальным в каждом языке и для каждой культуры. Образование инвективной лексики происходит с помощью различных лексико-семантических способов.

1. *Переход* в инвективную общеупотребительной лексики за счет средств языковой выразительности:

– *синонимизации* (например, слово *козёл* стало синонимом особенно оскорбительного слова для мужчины, *чайник* – синонимом слова *тупица*, но в отношении человека, не сведущего в компьютерной

технике, *тормоз* – синонимом *медлительный, сачок – уклоняющийся от работы*;

– сложной или стертой *метафоризации и метонимии*: *качалка – тренажер* для занятий бодибилдингом и *зал с тренажерами, качок – человек с накачанной мускулатурой*; *лепила – медработник, врач, плоскостопка – худая, плоскогрудая женщина, шкаф большой, да антресоль пустая* – о глупом человеке, «*Затыкай, нанюхались!*» в значении «*Хватит! Достаточно!*», *банк горел – кредит гасился* (демотиватор).

2. *Переход* в инвективную общеупотребительной иностранной лексики: *лузер – неудачник* (англ. *loser* от *lose* – проигрывать, уступать); *байтить – провоцировать* (англ. *bite* – кусать).

3. *Тембральная окраска* общеупотребительных слов: подтверждением наличия тембральных различий служит демотиватор (рис. 3).

4. *Трансформация* длинного или трудновоспроизводимого слова в более короткое: *жиза – сокращение от жизненно; ЧСВ – чувство собственной важности; рофл* (англ. ROFL – Rolling On the Floor Laughing) – кататься по полу от смеха.

5. *Займствования* из других языков с последующей адаптацией: *лафа́* (англ. *life*); *чика, две чики* (исп. *chica, dos chicas*).

6. *Переход* в инвективную лексику некоторых профессиональных терминов и слов, имеющих в данной профессии определенное значение: *бред – медицинский термин, бредятина – глупые мысли; дуб дубом – в значении глупый человек* (подчеркивается качество древесины дуба – твердость); *до лампочки; месиловое*.

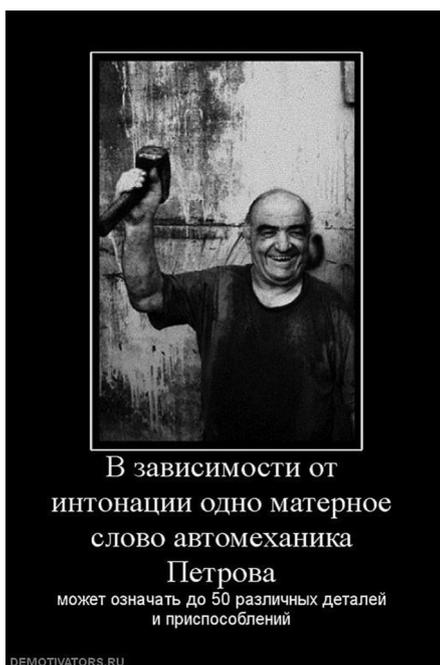

Рис. 3. Демотиватор, подтверждающий роль тембральной окраски слов¹⁷

7. *Предельное выражение* субъективно-оценочного значения слова – *уменьшение или увеличение*: *мужчинка, бабушка*, а также – *от горшка два вершка, море по колено*.

8. *Соединение* двух или нескольких слов (или корней), одно из которых инвективное, или их соединение содержит скрытое сравнение: *терпилоиды* (*терпеть* и *-оид*, англ. *-oid* из др.-греч. *εἶδος* – вид, облик), *литербол* (*литр* и *-бол* (ср. *футбол*)) – выпивка, *овердофига* (англ. *over* – сверх) – очень много.

9. *Займствование* имен и фамилий исторических и литературных персонажей, имен современников с выраженными отрицательными чертами: *птица Говорун, царь Дадон, Плюшкин, Чикатило, Мавроди*.

Отдельная единица инвективной лексики хранится в памяти, человек знает, что это плохое слово, но без контекста, без практики употребления оно переходит в пассивный словарь и становится менее опасным.

Второй из предложенных деструктивных элементов постфольклора – **контекст, создаваемый инвективной лексикой**.

Контекст усиливает ассоциации, благодаря которым инвективная лексика закрепляется в сознании. Общее наблюдение относительно практики употребления инвективной лексики в настоящее время – её использование является нарушением речевой способности, следствием личностного срыва, связанного с адаптацией к современной жизни, результатом (следствием) нахождения в маргинальной среде. Далее мы приводим наиболее распространенные контексты использования инвективной лексики.

Стрессовый контекст: адаптивное действие инвективной лексики проявляется при стрессе, боли или сильной усталости.

Возрастной контекст: в подростковом возрасте и у инфантилизованной молодежи инвективная лексика сопровождает, маркирует пробуждающую и/или неудовлетворенную сексуальность.

Агрессивный контекст: словесная агрессия подменяет реальную, это позволяет человеку оскорбить противника словом, а не действием. Вариантом агрессивного контекста является *командный мат* – архаическое, зооантропологическое проявление доминирования в группе. Подобным образом в стае животных самцы утверждали свое господство, в сфере деловых отношений сегодня в речи руководителя инвективная лексика присутствует как средство подчинения, как стиль руководства.

Контекст социальной принадлежности к определенной группе или сообществу, для опознания «своего» человека, отчасти также в плане профессиональной принадлежности (профессиональный сленг всегда содержит долю профессиональной инвективной лексики), но более в плане демонстрации культурно-

образовательной границы, которую человек не может или не должен переходить.

Компрессионный (скрытый протестный) контекст. Использование инвективной лексики объясняется возможностью выразить скрытый протест, для интеллигенции – это создание своего рода «некультурного» ареала, зоны недопустимости, укрывающей от давления трудностей российской жизни. Эротизация становится протестом против процессов, ведущих к сокращению рождаемости; широкое распространение криминального арго – протестом против давления чиновничьей и олигархической власти.

Контекст неразвитости и деградации: использование инвективной лексики в функции междометий восполняет скудность языка при умственной отсталости; у людей с неразвитой речью междометийные ругательства заполняют интервалы, необходимые для нахождения нужных слов и выражений, набор грубых выражений используется как словесные протезы.

Контекст исцеления. Интересны факты целебного действия инвективной лексики в экстремальных условиях. Вспомним эффект ругательств, произносимых немецким офицером перед строем советских солдат в концлагере, описанный М. Шолоховым в повести «Судьба человека». Подобный же эффект описывает Л.А. Китаев-Смык, когда 15 минут исполнения матерных частушек «песенниками-контрактниками» помогли восстановить силы солдат-срочников после многосуточного боя в Аргунском ущелье (в Чечне) [Китаев-Смык].

Рефлексивный контекст. Через инвективную лексику прослеживаются актуальные социокультурные темы и проблемы.

Контексты, создаваемые инвективной лексикой, описывают общие сценарии определенного порядка действий, совершаемых многократно каждым человеком в разное время, по разным причинам, в разном окружении.

Следующим деструктивным элементом постфольклора является **действие**. Действием мы считаем:

- произнесение/написание, прочтение/прослушивание инвективной лексики;
- выполнение любой операции, сопровождаемое инвективной лексикой;
- непристойные движения и жесты, равные по значению единицам инвективной лексики.

Каждое действие вызывает ответную реакцию и порождает цепочку действий, продолжающих деструктивное влияние. Первоначальное прочтение/прослушивание инвективной лексики в постфольклорном произведении может вызвать реакцию отторжения, отказа общаться с данным человеком или читать данное произведение. Но чаще всего мы находимся в ситуации пассивного слушателя, когда инвективная лек-

сика окружает нас (на улице, в транспорте, в соцсетях, в теле- и радиопередачах) и отказаться от неё не представляется возможным.

Четвертым деструктивным элементом постфольклора является **пассивное принятие инвективной лексики**. Пассивность не уменьшает деструктивного влияния, оказываемого инвективной лексикой.

В ходе исследования деструктивных элементов постфольклора в лингвокультурном контексте речевого взаимодействия было проведено анкетирование на тему использования в повседневном общении постфольклорных текстов, содержащих инвективную лексику. Анкетирование проводилось с целью выявить, насколько проблема употребления инвективной лексики осмыслена респондентами, существует ли осознание того, что инвективная лексика – это часть языка и культуры, оказывающая негативное влияние на человека. В анкетировании приняли участие 450 респондентов. Рассмотрим полученные результаты по каждому пункту анкеты:

1. *Употребление* постфольклорных текстов, *содержащих инвективную лексику, в повседневной речи.* Большинство респондентов (68,2 %) утверждают, что употребляют инвективную лексику (сюда вошли все ответы от «редко» до «постоянно»), никогда не используют инвективную лексику 15 % респондентов.

2. *Столкновение с инвективной лексикой в информационном пространстве.* Почти половина респондентов (46,3 %) сталкивается с инвективной лексикой ежедневно. Только 15,6 % сталкиваются редко или никогда.

3. *Влияние инвективной лексики на психоэмоциональное состояние.* Большинство респондентов (82 %) считают, что инвективная лексика негативно влияет на их психоэмоциональное состояние.

4. *Реакция на употребление инвективной лексики окружающими.* Большинство респондентов (77,2 %) реагируют на грубую лексику (ответы от «отношение нейтральное» до «чувствую себя некомфортно»). 8,1 % респондентов хотели бы обсудить проблему употребления инвективной лексики с человеком, употребляющим эти слова в повседневном общении.

5. *Рефлексия над значением инвективной лексики.* Большинство респондентов (80 %) задумываются о влиянии инвективной лексики на общество, причем для 45,6 % – это важный вопрос.

6. *Меры по минимизации использования инвективной лексики.* 48,8 % респондентов считают, что саморегуляция и самоконтроль в общении могут помочь минимизировать использование инвективной лексики. 9,4 % видят решение в проведении образовательных программ.

Таким образом, результаты анкетирования показывают, что инвективная лексика является частью повседневной речи многих людей, и большинство ре-

спондентов сталкиваются с ней в постфольклорных текстах регулярно. Хотя многие осознают негативное влияние инвективной лексики на психоэмоциональное состояние, не все готовы предпринимать активные действия для её минимизации. По мнению респондентов, саморегуляция и самоконтроль в общении являются наиболее предпочтительными методами борьбы с инвективной лексикой.

Заключение и выводы. Общение в XXI веке характеризуется наличием как позитивных (расширение границ обмена информацией, виртуальные встречи и работа в удаленном режиме, получение поддержки в социальных сетях), так и негативных элементов. Негативными элементами речевого взаимодействия являются неопределенность (нерешительность или непоследовательность) в вербальном и невербальном поведении коммуникантов, низкий уровень доверия, проявление агрессии, возможность аккумуляции и быстрого распространения ложной информации.

Осознание существования какосферы и инвективной лексики как её части в лингвокультурном контексте важно для понимания способности сакральных словесных формул вызывать эмоциональные и энергетические реакции у людей. В современном мире инвективная лексика стала частью нашего повседневного общения, так же как бытовой мусор стал частью нашего быта. Использование инвективной лексики связано с высоким уровнем стресса и накоплением неразрешенных проблем.

Инвективная лексика, восходящая к сакральным словесным формулам, в современном фольклоре и интернет-лоре отражает динамику социокультурных процессов и рефлексии культурных тенденций.

В зависимости от контекста использования инвективная лексика служит средством выражения эмоций, инструментом социальной адаптации или выражением скрытого протеста. Несмотря на негативную коннотацию, инвективная лексика является частью языковой системы, отражая сложные процессы взаимодействия человека с окружающим миром.

Для адекватного понимания деструктивного влияния инвективной лексики постфольклора в лингвокультурном контексте следует учитывать не только собственно семантику словесной формулы, но и прагматическую семантику, при этом и произносимая форма, и ситуация, и реакция общества в определенном смысле типичны.

Рекомендациями и мерами минимизации влияния деструктивных элементов постфольклора являются избегание языковой агрессии, предвзятости и стереотипов, а также стремление к тому, чтобы слова и действия не наносили вреда другим и окружающему миру. Однако, как показывает исторический опыт, данные меры не могут быть навязаны в виде за-

претов, нарушение которых ведет к наказанию. Положительный результат возможен при осознании обществом существования проблемы и совместного поиска ее решения.

Примечания

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. Санкт-Петербург, 2004. С. 535–539.

² Словари онлайн.: Археологический словарь. URL: <https://rus-arheolog-dict.slovaronline.com/524-%D1%82%D0%B0%D0%B1%D1%83> (дата обращения: 23.08.2023).

³ Латинско-русский словарь / под ред. И.Х. Дворецкого. Москва: Русский язык, 1976. С. 552.

⁴ Виктор Пелевин. Чапаев и Пустота. URL: <https://biblioteka-online.info/book/chapaev-i-pustota/reader/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Владимир Соловьев назвал екатеринбуржцев «сатанинскими выродками». URL: <https://66.ru/news/entertainment/257404/> (дата обращения: 10.09.2023)

⁶ Келман Джеймс. До чего ж оно все запоздало (James Kelman. How Late It Was, How Late) / пер. С. Ильина (дата обращения: 23.08.2023).

⁷ Дакота Рита. Полчеловека. URL: <https://genius.com/Rita-dakota-half-a-person-lyrics> (дата обращения: 23.08.2023).

⁸ Группа «Ленинград». WWW. URL: <https://genius.com/Leningrad-www-lyrics> (дата обращения: 23.08.2023).

⁹ Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. N. Y., Oxford University Press, 1996, 321 p.

¹⁰ Архив автора.

¹¹ Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. С. 3.

¹² Мат занимает в моей жизни процентов 50. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/498276> (дата обращения: 23.08.2023).

¹³ Влияние мата на здоровье, образование и жизнь человека // Центр образования «Кудрово». URL: <https://educentr-kudrovo.vseovbr.ru/index.php/2-uncategorised/603> (дата обращения: 23.08.2023).

¹⁴ КВН. Если бы не было русского мата. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MC5OtXj9wFM&list=RDeAOV0Jq3nQU&index=1> (дата обращения: 23.08.2023).

¹⁵ Мем. URL: <https://gigi.click/picture/a-nakuril-kota-i-rybok-zenu-sosedej-i-kota-otkuda-kot-dva-raza-vzalsa-pusistyj-hitryj-pizma-MzM5Nzg1>

¹⁶ Мем. URL: https://bestmemes.ucoz.net/news/ja_perezvonju_tut_barsik_snova_besojobit/2021-11-14-1890

¹⁷ Демотиватор. URL: <https://gigi.click/picture/v-zzvisimosti-ot-intonzcii-odno-maternoe-slovo-evtomehznikz-petrova-mozet-oznacat-do-50-razlicnyh-MTA4NTAwMg>

Список литературы

Волков Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 46 с.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Москва: Ладомир, 2001. 328 с.

Заварзин Г.А. Какосфера. Москва: Ruthenica, 2011. 460 с.

Китаев-Смык Л.А. Психофизиологические и социально-психологические аспекты сексуальных инвектив и «матерной речи». URL: <https://psy.su/feed/9035/> (дата обращения: 23.08.2023).

Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // *Russian Linguistics*. 1986. № 10. С. 61–72.

Лобанова Н.И. Язык и сознание: Проблема взаимосвязи (Опыт анализа философии языка В. Фон Гумбольдта) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2010. № 123. С. 82–88.

Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. Москва: Гнозис, 2007. 302 с.

Найдыш В.М. Происхождение архетипов коллективного бессознательного // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Философия. 2004. № 1 (10–11). С. 27–47.

Свечников Д., Ярасова Н. Как бороться с матом. URL: <https://azbyka.ru/kak-borotsja-s-matom> (дата обращения: 23.08.2023).

Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. 21 с.

Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Антимир русской культуры*. Москва: Ладомир, 1996. С. 9–107.

Штайнер Р. Низвержение духов Тьмы. Духовные подосновы внешнего мира. Москва: Энигма, 2022. 336 с.

Hymes D.H. On communicative competence. *Sociolinguistics*. London, Penguin, 1972, pp. 269–293.

References

Kitaev-Smyk L.A. *Psihofiziologicheskie i social'no-psihologicheskie aspekty seksual'nyh invektiv i «maternoj rechi»* [Psychophysiological and socio-psychological aspects of sexual invective and “obscene speech”]. URL: <https://psy.su/feed/9035/> (access date: 23.08.2023). (In Russ.)

Levin Ju.I. *Ob obscennyh vyrazhenijah russkogo jazyka* [On obscene expressions of the Russian language]. *Russian Linguistics*, 1986, No. 10, pp. 61–72. (In Russ.)

Lobanova N.I. *Jazyk i soznanie: Problema vzaimosvjazi (Opyt analiza filosofii jazyka V. Fon*

Gumbol'dta) [Language and consciousness: The problem of interrelation (Experience in analyzing the philosophy of language of V. von Humboldt)]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2010, No. 123, pp. 82–88. (In Russ.)

Maslova V.A. *Homo lingualis v kul'ture* [Homo lingualis in culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 302 p. (In Russ.)

Najdysh V.M. *Proishozhdenie arhetipov kolektivnogo bessoznatel'nogo* [The origin of the archetypes of the collective unconscious]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Filosofija* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Ser.: Philosophy], 2004, No. 1 (10–11), pp. 27–47. (In Russ.)

Sternin I.A. *Problema skvernoslovija* [The problem of bad language]. Voronezh, Istoki Publ., 2011, 21 p. (In Russ.)

Svechnikov D., Jarasova N. *Kak borot'sja s matom* [How to fight swearing]. URL: <https://azbyka.ru/kak-borotsja-s-matom> (access date: 23.08.2023). (In Russ.)

Shtajner R. *Nizverzhenie duhov T'my. Duhovnye podosnovy vneshnego mira* [Overthrow of the Spirits of Darkness. Spiritual foundations of the external world]. Moscow, Jenigma Publ., 2022, 336 p. (In Russ.)

Uspenskij B.A. *Mifologičeskij aspekt russkoj jekspressivnoj frazeologii* [Mythological aspect of Russian expressive phraseology]. *Antimir russkoj kul'tury* [Anti-world of Russian culture]. Moscow, Ladomir Publ., 1996, pp. 9–107. (In Russ.)

Volkov Ja.A. *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Destructive communication in the cognitive-discursive aspect: DSc thesis, summary]. Volgograd, 2014, 46 p. (In Russ.)

Zavarzin G.A. *Kakosfera* [Cacosphere]. Moscow, Ruthenica Publ., 2011, 460 p. (In Russ.)

Zhel'vis V.I. *Pole brani. Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira* [Battlefield. Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, Ladomir Publ., 2001, 328 p. (In Russ.)

Hymes D.H. On communicative competence. *Sociolinguistics*. London, Penguin Publ., 1972, pp. 269–293.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.